
Алекс Старков
Пуля для авторитета
18+

Алекс Старков

Пуля для авторитета

«Автор»
2026

Старков А.

Пуля для авторитета / А. Старков — «Автор», 2026

Питер, 1990 год. Днём — парадные фасады. Ночью — тёмные арки, тонированные «зубила» братвы и разборки, которых боится даже милиция.Одним вечером зыбкое равновесие преступной столицы рушится: застрелен криминальный авторитет Палыч. Город захлёстывает волна заказных убийств: кровавые стрелки, передел сфер влияния, разборки за каждый рынок. Группировки рвут Питер на части, а милицейское закулисье сплетается с криминалом — не поймёшь, кто здесь закон. Гибнут смотрящие, бригадиры, генералы — перед пулей все равны, неприкасаемых нет.В центре этой войны — обычный охранник Вова Маркони: уцелевший свидетель, на которого смотрят все — и те, кто стрелял, и те, кто ищет стрелка. Одна пуля изменила его жизнь. Вторая может её закончить. Сумеет ли он выжить там, где не выжили самые серьёзные люди Питера?Книга основана на реальных рассказах очевидцев 90-х: нет выдуманной крутизны — только фактура эпохи, близкая к реальности.«Человек человеку волк» — Питер девяностых доказал это. Буквально.

© Старков А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Пуля для авторитета

Homo homini lupus est
«Человек человеку волк»
(лат.)

Предисловие
Смерть авторитета

Вечерний Питер. Он как необитаемый остров — огромный, холодный, отрешённый от всего мира. Невский опустел ещё пару часов назад: шум и суета дня растворились в густом сумраке, оставив после себя лишь гулкое эхо шагов да редкие отблески фар. На каменные джунгли культурной столицы опустились опасные сумерки, и город меняет маску. Пока был день, здесь сияли парадные фасады, работали музеи, гуляли туристы с фотоаппаратами. Но с наступлением вечера власть перехватывают тёмные арки, и в воздухе витает опасный шёпот, доносящийся из-за спины. Здесь каждый, кто вышел из дома после заката, превращается в потенциальную жертву. Хищные подворотни, будто пасти неведомых чудовищ, таят в себе смертельную угрозу. Ветер гонит по асфальту обрывки газет, мусор, чьи-то забытые мечты. Фонари мерцают через один — то ли экономят электричество, то ли кому-то выгодно, чтоб было темнее.

Машин мало. Редкие прохожие жмутся к стенам, стараются не смотреть по сторонам, ускоряют шаг, будто за ними кто-то идёт. Только одинокие «зубила» братвы, как хищные акулы, разрезают проспект в поиске «косяков»: стёкла тонированы, музыка орёт из динамиков, внутри — парни с тяжёлыми взглядами и короткими стрижками. Они нервно курят и скользят вдоль тротуаров, высматривают, прицениваются. А рядом важные «Мерины» авторитетов курсируют, как атлантические лайнеры: солидно, неспешно, с охраной в строгих костюмах. Блестят хромированные решётки, подмигивают диодные фары, отбрасывая длинные тени. За рулём — невозмутимые водилы, сзади — серьёзные люди. Им не до суеты. У них — свои дела, свои разборки, свои понятия.

Где-то вдали завывает сирена — скорая или милиция. Звук быстро гаснет в лабиринте дворов-колодцев. В подворотне коротко, хрипло и с угрозой смеются. Где-то хлопает дверь подъезда словно выстрел, и бухой питерский прохожий матерится вполголоса. Город дышит. Но это не дыхание жизни — это выдох напряжения, ожидание чего-то недоброго. Питер вечером — спящий хищный зверь. Кажется, что он дремлет, но на самом деле — он только прикрыл глаза, прислушивается, ждёт момента, чтобы показать клыки.

*****

В тот вечер у Володьки Маркина в супермаркете «Фонтанка», где он работал охранником, был выходной, не его смена. Дежурил Вовкин напарник, Витёк по прозвищу «Стерео». Кличку эту доморощенный секьюрити, разумеется, получил не за любовь к музыке, а потому что в своё время переборщил со стероидами и теперь напоминал мутировавшего кабана из «Черепашек-ниндзя».

Маркони привычно собрался: схватил спортивную сумку, натянул модный, хоть и слегка палёный, недавно купленный на рынке спортивный костюм «Adidas» — и вышел из дома. По своему обыкновению он направлялся в «тюрягу» — единственный на районе стоящий зал, не какой-нибудь подвально-теплушечный сарай с затхлым воздухом и батареями вместо тренажёров. Качалка приютилась в общежитии Мединститута. При царском режиме это здание служило самой настоящей тюрьмой, и стены, казалось, до сих пор хранили дух заключенных.

Жил Володька недалеко от работы, так что, шагая к залу, не преминул завернуть в родную «Фонтанку» — попонтоваться в новом «Адике», перекинуться парой слов с девчонками из отдела элитного алкоголя… Нет, такое он пропустить не мог — это было выше его сил. На входе его тут же встретила огромная, несуразная фигура Витька. Володька мысленно хмыкнул: «И где он только костюмы себе берёт? В „Красном богатыре“, что ли? Штаны еле сходятся на

пузе, пиджак трещит по швам — будто с чужого плеча…» Витёк, заметив приятеля, расплылся в улыбке:

— О, Маркони! Зашёл проведать или за покупками?

— Да за какими покупками... Так, — махнул рукой Маркин, — мимо шёл. Решил поздороваться да дух перевести.

— Слушай, Маркони! – тут же накинулся на него Витёк, – дело есть! Подмени, не в падлу, а? Я тут с одной такой тёлкой договорился... А я за тебя потом отдежурю...

— Ну нет, Витёк, извини, не получится, — Маркин всегда чуял запах жареного за версту и не стеснялся резать правду-матку. — Я и так двое суток пахал, как проклятый. Даже не как папа Карло, а куда хуже. У меня другие планы: сейчас в зал, потом с пацанами по делам сгонять в одно место разобраться надо. Короче, никак.

— Ну-ну, — обиделся гигант, раздувая ноздри. В его бычьих плечах заиграли бугры мышц. — Ещё попросишь ты меня, помяни моё слово…

Вовчик только пожал плечами — мол, как знаешь. Что и говорить, Витёк по жизни был говно: жадный, на язык несдержанный, еще и тупой, как и все качки. Маркони даже одно время находился с ним в непримиримых контрах — дело чуть до мордобоя не дошло из-за какой-то тёмной истории с товаром. Так что выручать и «входить в положение» этого типа́ у него не было ни малейшего желания.

Маркин неспешно прошёлся по родным пенатам, красуясь фигурой — мышцы после курса метана налились, выпирали под тканью костюма, будто литые. Потрещал со всеми красотками, перекинулся парой слов с продавщицами, пофлиртовал с Кристинкой с кассы — та давно ему глазки строила и улыбалась так, что сомнений не оставалось: она не против познакомиться поближе. Кристинка поправила локон, стрельнула взглядом:

— Маркони, ты опять весь в делах? Когда хоть на кофе пригласишь?

Он подмигнул ей, небрежно бросил:

— Скоро, детка, скоро. Дела — всё равно что долги. Сегодня не отдашь — завтра проценты набегут.

С этой тёлкой надо быть осторожным, о ней разные слухи ходят. Дело явно кофе не ограничится, и можно остаться без штанов в прямом и переносном смыслах.

В этот момент, словно вихрь, ураган, взрыв ядерной бомбы, в магазин ворвался Палыч. Его здесь знали все до единого — он был живой городской легендой, о которой шептались в тёмных подворотнях и за закрытыми дверями. Брутальный глава Центральной ОПГ, державшей в кулаке центр Питера и окрестности далеко за его пределами, славился чередой кровавых разборок, изощрёнными расправами и жестокими пытками не желавших платить ко́ммерсов. Ходили слухи — только шёпотом, оглядываясь через плечо, — что он лично казнил следака, рискнувшего завести на него дело: сжёг заживо вместе со всей семьёй, превратив квартиру на окраине в братский крематорий.

Высокий, лысый, небритый, в длинном кожаном плаще, напоминавшем крылья хищной птицы, Палыч словно сошёл с экранов старых гангстерских боевиков. От него веяло смертельной опасностью — одним взглядом он мог пригвоздить к месту, а уж если ты имел глупость что-то не так сказать… Это грозило как минимум пробитой башкой, а как максимум — пулей в затылок, без лишних слов и объяснений.

В «Фонтанке» все Палыча знали и побаивались — каждый кассир, охранник и даже сам директор супермаркета. Авторитет приезжал сюда ежедневно, почти в одно и то же время, неизменно в сопровождении верного телохранителя — Марата. Тот был не менее отмороженным: рука всегда на кобуре, взгляд холодный, расчётливый. Марат стрелял, не думая — и по поводу, и без повода, просто ради удовольствия.

Но, несмотря на весь свой угрожающий вид, Палыч умел и любил щедро платить. Он совал пухлые пачки купюр понравившимся девчонкам из отдела алкоголя — те краснели,

хихикали, опускали глаза, а потом судачили между собой, кто из них сегодня получила больше. Палыч знал это, ухмылялся и кивал, будто король, раздающий милости своим подданным. Так что девицы были от криминального авторитета без ума — каждая втайне мечтала прыгнуть к нему в койку, представить, как он возьмёт её под своё крыло, подарит шубу, машину, жизнь, полную блеска и роскоши. Но Палыч был не из тех, кто разбрасывается обещаниями. Он знал цену словам и деньгам.

Стеклянные двери «Фонтанки» с грохотом распахнулись настежь — бригадир дал им мощного пинка, и створки едва не разлетелись на осколки, задрожав в раме. Палыч вошёл, злобно сверкая своими глазами-буравчиками, — будто высверливал ими правду из каждого, кто попадался на пути. Он стремительно перемещался по центральному проходу магазина, подметая плащом полированный пол; следом, еле поспевая, громыхал двухметровым корпусом Марат — его верный телохранитель, прозванный в узких кругах Мараткой. На секунду что-то привлекло внимание бандита на витрине с видеофильмами — он резко остановился, прищурился.

— Это что ещё такое? Новый фильм с Арнольдом? Я ещё не видел… Эй, как тебя там, — он ткнул пальцем с огромным золотым «болтом» в высокую стройную продавщицу, раболепно застывшую перед ним, едва дыша. — Оформи как надо, живо! И не стесняйся ты так, красотка. Ишь, буфера выставила напоказ!

Палыч без стеснения ухватил длинноногую красотку огромной ладонью за обтянутую узкой юбкой пятую точку. Та вздрогнула, зарделась до корней волос, но лишь стеснительно улыбнулась и отвела глаза, не смея возразить — знала, что с Палычем шутки плохи. В воздухе повисла тяжёлая пауза: персонал замер, делая вид, что занят делом, но боковым зрением все следили за продолжением сцены.

Марат, стоявший чуть позади, хмыкнул в кулак, поправив тёмные очки. Его рука скользнула к кобуре под мышкой — привычка, выработанная годами: опасность могла возникнуть в любой момент, даже в этом мирном супермаркете. Палыч, не обращая внимания на напряжение вокруг, снова повернулся к витрине.

— Ну, чего ждёшь? — бросил он продавщице. — Давай, шевелись. И чтоб без фокусов. Я тороплюсь.

Та закивала, судорожно хватая диск с полки. Пальцы её слегка дрожали, когда она выбивала покупку в кассе.

— Вот, пожалуйста, — пролепетала она, протягивая пакет. — С вас…

— Знаю, сколько с меня, — оборвал её Палыч, швыряя на прилавок мятую купюру. — Сдачи не надо. Это тебе за старание.

Он подмигнул, по-хозяйски потрепал её по щеке, как собачку, и двинулся ко выходу, шурша плащом. Марат молча последовал за ним, окинув зал цепким взглядом — будто сканируя, нет ли где угрозы. Палыч с телохранителем шли дальше по супермаркету, оставляя после себя лишь гулкое эхо шагов и едва уловимый запах дорогого одеколона — словно напоминание: здесь только что прошёл хозяин.

Маркони с Витьком, на свою беду, оказались неподалёку от места событий — там, где, словно ураган, словно извержение вулкана, пронёсся Палыч и его телохранитель. Внешний лоск охранников в тот же миг померк на фоне криминального авторитета: плечи ссутулились, взгляды метнулись в сторону, будто два пса вдруг осознали, что на их территорию зашёл волк. Стало ясно: теперь не они здесь главные. В этот момент на стене, прямо рядом с Витьком, зазвонил телефон-трубка — резкий, пронзительный звонок разорвал напряжённую тишину, будто сигнал тревоги. «Секьюрити» машинально схватил трубу, пальцы чуть дрогнули — видно, не ожидал, что начальство решит проверить его именно сейчас. Маркин краем уха уловил в динамике яростные крики директора торгового центра — голос звучал так, будто тот готов был выскочить из аппарата и надавать подзатыльников лично:

— Ты что там, опять в торговом зале прохлаждаешься, увалень? — гремел динамик. — Всё к девицам пристаёшь, вместо того чтобы работать? Я за что тебе баксы плачу, а? Ну-ка живо на склад — там сигнализация сработала! И чтоб через две минуты был на месте, иначе я тебе такое устрою, что пожалеешь, что на свет родился!

Витёк побледнел, сглотнул ком в горле и забормотал в трубку:

— Да, да, понял, уже иду… Сейчас, секунду…

Он неловко обернулся к Маркони, пытаясь сохранить остатки достоинства:

— Это… Семёныч вызывает, надо бежать. Сигнализация на складе…

В трубке раздались короткие гудки, а нерасторопный Витёк со всей прыти бросился к служебному входу. Путь к нему, к несчастью для охранника, лежал ровнёхонько напротив витрины с видеокассетами. Маркони проводил напарника взглядом, мысленно усмехнулся: «Ну и влип ты, братан». Палыч, как хищный зверь, уже заметил жертву — глаза-буравчики впились в лицо Стерео, оценивая и прикидывая, стоит ли он его внимания. Огромный Витёк, пробегая мимо бандита, как мог сжался, втянул голову в плечи, ожидая чего-то нехорошего. И оно, по закону подлости, произошло. Охранник спотыкнулся о плащ авторитета и нелепо упал, растянувшись на полу. Палыч обернулся и сразу машинально наехал на секьюрити-неудачника, да так что у того затряслись поджилки:

— Ты что, индюк! Совсем страх потерял? Не видишь куда бежишь? Ты мимо кого бежишь и под ноги не смотришь, дитя неудачного аборта? – Палыча явно понесло, он получал удовольствие от унижения дрожащей горы мускулов, – Да таких как ты надо убивать на месте! Ты смотри плесень какая, мне на плащ наступил! Да ты за это сейчас мне хату отпишешь, ты права жить не имеешь!

— Палыч, дай я эту мразь... - это подоспел Марат, телохранитель Палыча.

— Погоди, Маратка! Я хочу его своими руками...

— Извините, Виктор Павлович! Я больше так не буду! – взмолился плачущим голосом Витёк, стоя на коленях и подняв руки, словно молился древнему божеству.

Палыч с Маратом посмотрели на эту смешную картину и... Заржали. Громким, раскатистым, почти звериным смехом, от которого у окружающих по спине пробежали мурашки. Угар был полный: здоровенный детина, который минуту назад казался воплощением силы, теперь стоял на коленях и умолял о пощаде. Оба бандита смеялись от души.

— Да ладно, как тебя там, Витёк! Ты обоссался что ли? Мы же прикалываемся! – Палыч, смеясь, постучал Стерео по плечу – у того, как камень с души упал, – Беги, куда ты там бежал. Борис Семёновичу привет!

Виктор тут же вскочил и от греха подальше был таков, только пятки засверкали. Володя Маркин, онемевший от такой картины, сказал кассирше Кристине:

— Так, ну мне по ходу пора, что-то я заболтался. Надо ещё в качалку успеть.

И бочком-бочком выскользнул из «Фонтанки».

*****

Супермаркет «Фонтанка» – место достойное, сюда абы кто не ходит. Да и не пустят суровые дяденьки в костюмах. Магазин этот красовался на видном месте в торце исторического дома на Т-образном перекрёстке, на пересечении Невского проспекта и улицы Достоевского. Локация надо сказать очень удачная, сама по себе элитная: вид на Исаакиевский, Триумфальную арку, набережную. Вокруг живут одни депутаты, банкиры да бандиты. Парковки особой рядом нету, да здешним посетителям она и не нужна – они заезжают на своих «Меринах» и «Геликах» исключительно на тротуар перед магазином. Кто им сделает замечание? Жить ещё никому не надоело. Ни простым людям, ни милиции.

Отделка «Фонтанки» дорогая, вычурная, но вместе с тем со вкусом, сразу видно — для богатых людей. Не для тех, кто отоваривается в комках кварталом ниже на трамвайной остановке. Изящная вывеска сияет золотом, вход залит огнями, а перед ним дежурит «человек в

чёрном», эдакий привратник в рай, в богатую жизнь, куда он пускает далеко не всех и может запросто без объяснения остановить:

— Вы не проходите!

И вышвырнуть на пинках. Внутри - специально подобранные, молоденькие, симпатичные продавщицы. Все как одна длинноногие, на высоком каблуке, в белых обтягивающих блузках, чёрных чулках и мини, с длинными струящимися волосами и выставленным напоказ бюстом. Они встречали гостей обязательными улыбками, гостеприимно беседовали и старались завлечь клиента. Каждая из них мечтает зацепить какого-нибудь богатого папика – будь то бандóс, чиновник или коммерсант. Тут для таких симпатичных девчонок с окраин города настоящий Клондайк, Эльдорадо, а они и рады, никому не отказывают. Своего рода театр, подиум. И в магазин сходишь, и культурно отдохнёшь. Приятное с полезным, так сказать.

При всей своей вычурности, продавали по обыкновению тех лет в «Фонтанке» всё. Как говорится, «от батона до «гон...на». Элитные зарубежные деликатесы в вакуумной упаковке, «Made in Italia», элитные же сыры «Made in France», длинные багеты. Чуть дальше – не менее элитный алкоголь в огромных замысловатых бутылках в виде сабли, «калаша» или ещё чего-нибудь экстравагантного. А какой здесь табак... «JPS» в банках, «Sobranie», «Rothmans», сигары... Цены на всё это... Астрономические. Среднестатистический петербуржец мог зайти сюда разве что как в музей – посмотреть, пооблизываться. Рядом - эротические журналы с аппетитными обнажёнными красотками, «Speed-инфо», прочая популярная бульварная жёлтая пресса. В самом конце зала - бутик с одеждой и обувью, где изобилие нулей смущало даже видавших виды ценителей и, как ни странно, отдел с видеокассетами. Конечно, только «лицензионка» с голограммами, хорошего качества, не то что на углу в палатках. И всё это так красиво обставлено, освещено. Стеклянные подсвеченные витрины, хрустальные люстры, дорогущий кафель. Короче, не магазин, а гастрономический храм для «новых русских». Вот ради чего они воруют, убивают, грабят... Чтобы иметь возможность закупиться в таком вот супермаркете.

*****

Володя Маркин устроился охранником в «Фонтанку» по знакомству, можно сказать «по блату». Попал он в это престижное по тем меркам заведение благодаря систематическим занятиям в качалке «тюрьма», общаге Медицинского института, а также коммуникабельности и внутренней харизме. Тогда охранники элитных магазинов были не то, что теперь. Они выглядели, как настоящие секьюрити из-зарубежных фильмов. В чёрных костюмах и белых рубашках с галстуками, с наушником в ухе, эти накачанные хозяева жизни курсировали по дорогим торговым центрам и были в них царями и богами. Могли, сделав вид, что что-то заподозрили, выпроводить кого угодно взашей, могли скрутить и отволочь лоховатого покупателя в подсобку. У всех – разрешение на оружие, навыки единоборств. Попасть в такие охранники было делом почётным, а сами «бодигарды из продуктового» считались людьми очень уважаемыми и солидными, можно сказать – достигли всего в жизни. В связи с этим чудесное превращение Володьки из простого студента в секьюрити известного супермаркета стало предметом чёрной зависти и тайного восхищения всего его потока в институте.

Работка-то – не бей лежачего. Ходишь себе в наглаженном костюмчике по магазину с умным видом, командуешь, а тебе за это ещё и зарплату в долларах платят. Кстати, эта категория людей довольно прилично оплачивалась в те времена. Кóммерсы, владельцы торговых центров и точек, не скупились на безопасность и внешний лоск, это было тогда престижно, а иногда и жизненно необходимо. Короче, повезло Вовке, что тут говорить. Он особо не распространялся, как попал в столь уважаемое заведение. Только делал многозначительный вид:

– Да через серьёзных людей, – авторитетно рассказывал Маркони раскрывшим рот первакам, – а через каких, вам лучше и знать. Меньше знаешь – крепче спишь!

Лоховатые отличники кивали, как будто в теме, а Володя разгуливал по ВУЗу с борсеткой, в пиджаке и с пейджером. Ну натуральный олигарх.

*****

Путь Вовки Маркина после «Фонтанки» лежал через дорогу и небольшой сквер в старинное здание царской тюрьмы из красного кирпича, где в подвале, в котором при царском режиме была пыточная, ныне располагался спортзал. Маркони честно качнулся в пропахшем по́том и затхлостью зале, потягал ржавые тренажеры с полуоборванными тросиками. Потом привычно жиманул штангу и постоял в очереди к железу среди таких же разметаненных качков с прыщавыми спинами, вздутыми на «Мегамассе», как и он сам. В общем получил удовольствие. Затем помылся в холодном, изъеденном плесенью и ржавчиной душе, взбодрился.

Обратно он шёл, как всегда после спортзала, в приподнятом настроении — мышцы приятно ныли, а в голове царила лёгкая эйфория. Дофамин разливался по венам сладким ядом удовольствия, серотонин поднимал настроение, а эндорфины дарили ту самую блаженную расслабленность, от которой хотелось не идти — а лететь. Володя буквально парил над асфальтом, едва касаясь земли подошвами кроссовок.

Уже стемнело. Он перешёл через парк — мрачное место по вечерам: в кустах шныряли подозрительные тени, редкие фонари бросали на землю жёлтые пятна света, похожие на пятна крови. Где-то вдалеке заржала пьяная компания, хлопнула дверца машины, и снова наступила гнетущая тишина. Вот и освещённая улица Достоевского с трамвайными путями посередине — здесь уже было спокойнее: фонари горели часто, витрины магазинов подмигивали неоном, жизнь кипела даже ночью. Всё-таки центр — тут за порядком следят.

Но вдруг что-то резануло глаз. Володя остановился, прищурился.

— Погоди-погоди… Стоп. Что это?

Через проезжую часть он увидел то, что потом на всю жизнь врежется в память и не отпустит до конца его дней. Прямо у его родной «Фонтанки» стояли, яростно сверкая мигалками, милицейские машины и экипажи «скорой». Магазин был оцеплен плотным кольцом ППС-ников — те переговаривались по рациям, нервно оглядывались по сторонам, держали руки на оружии. Что же там случилось? Сердце ёкнуло, в животе похолодело. Не Витёк ли? Не Палыч? Или…

Маркин бросился наперерез через дорогу ко входу в магазин, окружённому милицией. Перебежав улицу, он сразу уткнулся в плечистого милиционера в бронежилете.

— Стой, куда! — рявкнул тот, вскидывая «калаш» и щёлкая затвором. — Обходи стороной, не положено! Тут место преступления, понял? Без лишних вопросов!

Володя замер, чувствуя, как эйфория последних минут испаряется без следа, а вместо неё приходит холодный, липкий страх. Он осмотрелся: повсюду мигали синие и красные огни, вдалеке завывали сирены, а у входа в «Фонтанку» суетились люди в белых халатах. Что-то серьёзное. Очень серьёзное.

— Да я тут... — выдавил он, стараясь говорить ровно. — Что случилось-то?

Милиционер смерил его тяжёлым взглядом:

— Не понял? Стой где стоишь. И без фокусов. Тут такое творится, что тебе лучше не знать…

— Да вы не понимаете, я же здесь работаю! Да я проходил тут час назад! — голос Володи дрожал от напряжения, в нём звучала отчаянная попытка убедить милиционера.

— А… Случайный свидетель, значит, — ППС-ник на секунду задумался, окинул Маркина оценивающим взглядом. — Ну вон, иди к опергруппе, там всё расскажешь, — смилостивился он, чуть опуская автомат.

Маркони прошёл сквозь оцепление, чувствуя, как пот стекает по спине. В центре пешеходной зоны, прямо на тротуаре, стоял чёрный «Мерин» Палыча — передние двери распахнуты настежь, словно машина кричала беззвучным криком. Вокруг места преступления — а это, как быстро понял Володя, было именно оно — стояли милицейские машины: потрёпанные УАЗы, затёртые «семёрки», пара солидных «Волг» — видать, приехало начальство. Воздух был

пропитан запахом гари, пороха и чем-то ещё... Это был запах смерти, который не спутаешь ни с чем. Суетились люди в форме и штатском, переговаривались вполголоса, кивали друг другу. Врачи в белых халатах склонились над чем-то, эксперты в синих перчатках что-то замеряли, фотографировали, собирали улики.

Пройдя ближе, Маркин увидел страшную картину. Рядом с «Мерином», не доходя буквально пары шагов, лежал Палыч. Его длинное кожаное пальто раскинулось на асфальте, будто крылья, только теперь уже подбитой птицы. Руки были раскинуты в стороны, глаза, застывшие и пустые, смотрели в ночное небо — будто пытались что-то там разглядеть. Володя сглотнул комок в горле. Палыч, который ещё недавно наводил ужас на весь район, теперь выглядел… умиротворённым. Во лбу зияло небольшое тёмное отверстие — аккуратная дырочка, будто кто-то поставил точку в конце длинной и кровавой истории. Под головой разлилась большая лужа бурой крови, уже загустевшей, почти чёрной в свете уличных фонарей.

Выражение его лица навсегда врезалось в память Володи. Как всё-таки смерть меняет человека… Палыч, у которого по жизни рожа была зверская, а взгляд резал, как нож, теперь казался почти… счастливым? Или это просто игра теней? Маркин почувствовал, как земля уходит из-под ног. В голове крутились обрывки мыслей: «Кто? Когда? Почему?» Он вспомнил недавнюю сцену в магазине — Палыч, смеющийся над униженным Витьком, его тяжёлый взгляд, обращённый к самому Володе…

— Так, почему посторонние? — раздался за спиной хриплый голос. Рядом стоял оперативник в форме, с усталыми глазами и сигаретой в зубах. — Где, чёрт возьми, оцепление? Почему шляются все, кому не попадя? Что тут, проходной двор? А ты — лучше забудь, что видел. Живее будешь.

Он выдохнул дым в сторону и пошёл дальше, расталкивая всех вокруг. Маркин остался стоять, остолбенело глядя на тело Палыча, на мигающие огни, на суетящихся людей. В этот момент он понял: что-то в городе изменилось. Эпоха закончилась. И кто теперь займёт место смотрящего? Его взгляд скользнул дальше... Между машиной и входом в «Фонтанку», уткнувшись лицом в асфальт в странной позе — будто его сбили в прыжке, — валялся Марат, телохранитель Палыча. Его длинная атлетическая фигура в тёмном пальто и чёрной рубашке навеки застыла тем холодным питерским вечером в луже собственной крови.

Вокруг Маратки в беспорядке валялись пакеты с покупками — из них вывалились фрукты, бутылки дорогого алкоголя, упаковки деликатесов и та самая видеокассета со Шварценеггером — «Красная жара». Кассета лежала отдельно, чуть в стороне, её пластиковый корпус треснул, а лента частично вылезла наружу, будто чёрная змея. Володя замер, не в силах отвести взгляд. Ещё вчера этот человек внушал страх одним своим видом — огромный, молчаливый, с холодными глазами и рукой, всегда лежащей на кобуре. Теперь же он лежал здесь, нелепо скрючившись, словно сломанная марионетка, чьи нити перерезали в самый неподходящий момент.

Было ясно, что Марата прикончили вторым. Судя по всему, он бросился бежать, кинув мешки с покупками, в сторону входа в магазин. Видимо, в панике он пытался укрыться за машиной шефа или добежать до дверей супермаркета… Но пули хладнокровного киллера настигли его раньше. Несколько оперативников уже склонились над телом, что-то замеряли, фотографировали. Один из них, в милицейском плаще и с обветренным лицом, аккуратно очертил мелом контуры тела — грубый набросок человеческой фигуры, который через пару часов сотрут колёса машины судебно-медицинской экспертизы, «труповозки».

— Видал, какой расклад? — хрипло сказал оперативник напарнику, вытирая руки о платок. — Первый — босс, второй — телохранитель. Классика жанра. И заметь: ни свидетелей, ни следов. Чистенькая работа, профессионал старался.

Маркин сглотнул. Он вспомнил, как ещё пару часов назад Марат стоял рядом с Палычем, ухмылялся, похлопывал себя по кобуре… Теперь от его самоуверенности не осталось и

следа. Только холодный асфальт, кровь и разбросанные покупки — жалкие останки чьей-то прерванной жизни. Взгляд Володи невольно вернулся к кассете. «Красная жара» — фильм про борьбу добра со злом, про справедливость… Ирония судьбы: теперь она лежала в луже крови рядом с человеком, который никогда не играл по правилам. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Если так легко убрали самого Палыча и его верного телохранителя… Кто следующий? И сколько ещё таких «раскладов» случится в этом городе?

Но самым страшным было то, что тут же, на привычном месте привратника супермаркета, лежало ещё одно бесформенное тело. Маркони протёр глаза, не веря увиденному.

— Не может быть… — прошептал он, чувствуя, как внутри всё похолодело.

Фокус зрения адаптировался к темноте, и сквозь вечерние сумерки, сквозь начинавший стелиться по улицам туман с Невы очертания тела постепенно сложились в знакомый силуэт. Витёк. Стерео. Его напарник. Тот самый, что всего пару часов назад предлагал ему поменяться сменами… Володя сглотнул ком в горле. Даже страшно подумать, что было бы, если бы он сдуру согласился. А если бы сейчас это был он там, на асфальте, с пустыми глазами, смотрящими в небо?

На белой рубашке Витька, всё ещё нелепо вздувшейся на ненужных уже бицепсах и трапециях, Вовчик насчитал не менее трёх красных отверстий в груди — аккуратных, тёмных, будто кто-то поставил многоточие в конце короткой жизни. А самым жутким было то, что вместо левого глаза у него зияло пустое отверстие, выбитое пулей неизвестного убийцы. Вокруг раны — рваные края, запекшаяся кровь, застывшая маска ужаса на лице, которое ещё недавно ухмылялось, бранилось, мечтало о лучшей доле…

«Как страшно оказаться не в то время, не в том месте, — пронеслось в голове у Володи. — Стать ни в чём не повинной случайной жертвой…»

Он вспомнил, как Витёк хвастался, что накопил на тачку, как собирался свозить маму на юг — она ведь болеет, надо хоть раз в жизни показать ей море. Сколько ему было? Двадцать пять? Всего двадцать пять… Володя попятился, чувствуя, как подкашиваются ноги. В ушах зашумело, перед глазами поплыли тёмные пятна. Он прислонился к стене магазина, глубоко вдохнул холодный, пропитанный смертью воздух.

— Да ведь мне, в натуре, повезло… — прошептал он, вытирая пот со лба. — Можно считать сегодняшний день вторым днём рождения…

Мысль обожгла, как раскалённый гвоздь: а если бы была его смена? Если бы он задержался на полчаса? Если бы вышел на минуту попозже? Всё могло сложиться иначе. Совсем иначе. Он снова посмотрел на тело Витька. Тот лежал, раскинув руки, будто хотел обнять весь мир — или защититься от него в последний момент. Рядом валялся его бейдж, наполовину утонувший в луже крови. Символ власти, который больше ничего не значил.

— Покойся с миром, Витёк, — тихо произнёс Володя, отворачиваясь.

Вдалеке завыли сирены — ещё одна машина скорой, ещё один наряд ППС. Вокруг суетились люди в форме, мелькали вспышки фотоаппаратов, кто-то кричал в рацию. Но для Володи всё это вдруг стало далёким, нереальным. Перед глазами стояла только одна картина: Витёк, живой, смеющийся, предлагающий поменяться сменами — и Витёк, мёртвый, с пулей в глазу, лежащий на асфальте у родного супермаркета.

С тёмных небес начинал капать холодный полуснег-полудождь — липкий, противный, он стекал по лицам людей, смешивался с кровью на асфальте и медленно стирал следы преступления, будто сама природа хотела очистить землю от этой грязи. Опера и люди в штатском опрашивали заплаканных продавщиц, накинувших куртки и поёживающихся на морозе — те размазывали чёрную тушь по щекам, всхлипывали, сбивались в показаниях. Опер протягивал им салфетки и раздражённо цокал языком: «Ну, хватит реветь, говорите по делу!»

Володя обратил внимание на одну странную деталь. Задние двери палычевского «Мерина» с наглухо тонированными стёклами были плотно закрыты. Изнутри доносились

страшные звуки — не лай, а скорее вой, низкий, утробный, будто раненый волк оплакивал павшего вожака. Оказалось, на заднем сиденье сидел огромный амстафф Палыча — и ни за что не пускал никого в машину хозяина. Пёс злобно лаял, голосом, напоминавшим рычание собаки Баскервилей, скалил огромную крокодилью пасть и бросался на любого, кто пытался приоткрыть дверь. Его глаза горели безумным огнём, шерсть на загривке стояла дыбом — он был готов драться до последнего. Милиция скопилась рядом, но ничего поделать не могла. С одной стороны — нужно выполнять работу, завершать осмотр места преступления, фотографировать, собирать улики. С другой — как подойти к машине, если её яростно охраняет разъярённый зверь?

— Ну и злобная же тварь… — пробормотал один из оперов после очередной неудачной попытки попасть в салон. Он отпрянул, когда пёс с рыком рванулся к стеклу, оставив на нём слюни и следы когтей.

— Может, пристрелим её? — резко бросил седой человек в серой куртке с серьёзным, почти каменным выражением лица. Видимо, следователь-особист. — Всё равно работать мешает. Мы тут что, всю ночь будем прохлаждаться?

— Нельзя, — вмешался пожилой эксперт в очках. — Это важная улика. Возможно, последний свидетель. Он мог видеть стрелка. Да и вообще… — он помолчал и добавил тише: — Палыч его, говорят, с щенячьего возраста растил. Почти член семьи.

Володя невольно сглотнул. Он вспомнил, как однажды видел этого пса прямо в супермаркете — Палыч тогда гордо водил его на поводке, а тот шёл рядом, как верный рыцарь. Теперь он остался один — охраняет пустую машину, не понимая, что хозяина больше нет.

— Ты прикалываешься что ли, Дмитрий Михалыч? – возмутился особист. — Какой на хрен свидетель? Какая улика? Дай, я этого члена семьи сейчас сам... Меня жена дома ждёт, в конце концов! Время идёт, а у нас тут не собачий цирк, а место убийства.

Пёс внутри снова зарычал — глухо, угрожающе. Он сидел, прижавшись к окну, и неотрывно смотрел на людей снаружи, будто бросая им вызов. В его глазах читалась не просто злость — в них была боль и отчаяние. Словно он знал, что всё изменилось навсегда. Дождь усиливался, капли барабанили по крыше машины, смешивались с разводами крови на асфальте. Вокруг суетились люди — но пёс не обращал внимания. Он ждал. Ждал, когда вернётся хозяин.

- Отставить самоуправство. Я вам дам «застрелим»! Вы что, этим вон уподобляетесь? – урезонил их высокий толстый человек в форме, фуражке и погонах полковника, курящий неподалёку, – Кинологов уже вызвали, сейчас они утихомирят этого монстра. Да и куда вы спешите?

- Как куда? – удивился следак в штатском, – Надо скорее осмотр закончить. Явно убийство заказное, такое можно только по горячим следам раскрыть. Потом – пиши пропало, висяк.

Опер опять попытался урезонить бойцовскую собаку, приоткрыл дверь в очередной раз, но только страшные клыки кляцнули около его лица, и усилился низкий потусторонний лай четвероногого убийцы. Мужчина отскочил и снова подошёл к группе милиционеров.

– Вот тварь дикая! Мужики, я что думаю... Странный какой-то киллер... Вроде стреляет метко, всё рассчитал по минутам... Но что-то в нём не так... Вот и охранника зачем-то грохнул, да ещё таким количеством выстрелов... Контрольный только Палычу, больше никому... Нет, что-то здесь не сходится. Но явно такие преступления совершают не для того, чтобы попадаться.

– Теперь же бандитские войны начнутся, - с сокрушением сетовал стоящий рядом молодой человек в форме, – передел сфер влияния... Народу поляжет! Кровью земля Питерская умоется.

– Да какого там народу. Нелюди это, недочеловеки. Чем их больше покрошат, тем нам работы меньше, – урезонивал его высокий красивый лейтенант с усами.

– Да не будет никакой войны. Я думаю власть по наследству правой руке Палыча перейдёт, Косте Кречету. Он точно своего не упустит, давно к власти рвётся. А может он сам Палыча и того... Заказал. Чувствую, сто процентный «глухарь» вырисовывается, – тихо говорил эксперт, фотографирующий трупы.

— А вот тут ты не угадал, Михалыч! — снова к ним подошёл толстый полковник в форме, вешая рацию на ремень. — Взяли голубчика!

— Да ладно, Василь Иваныч, не может быть, брешешь! Кто? Как?! — тут же загалдели наперебой опера и милиционеры, окружив начальника полукольцом.

— Да вот так, — авторитетно ответил высокий милицейский чин, поправляя фуражку. — По чистой случайности, конечно. Мимо патруль ППС проходил, заметили подозрительного — стали преследовать. Хотя стрелок их самих чуть в соседнем дворе не пристрелил, салаги… Киллер ряженый оказался — в чёрном балахоне, лицо шарфом замотано. Если бы не осечка у него в револьвере, мы бы тут неподалёку с вами ещё двух холодных осматривали, причём из наших. Вот шуму бы было! Короче, повезло.

— Не может быть!

— Бывает же такое! — хором перебивали начальника опера. — И что, даёт показания?

— Даёт, ещё как даёт. Поёт, как соловей, — полковник помрачнел, провёл рукой по лицу. — Да только лучше бы уж молчал… Тут такое дело… Это родной брат Милязева — ну, следователя, который дело на Палыча открывал. Его вместе с семьёй этот отморозок потом ещё сжёг. Месть, понимаешь?

В толпе повисла тяжёлая пауза. Кто-то нервно закурил, кто-то переглянулся с соседом.

— Он откуда-то из горячей точки вернулся, а тут такое дело, — продолжал полковник. — Ну его Кингисеппские и окучили. Ствол подогнали, весь расклад дали, разыграли всё как по нотам. А тот даже не за деньги — ради мести… И ведь хороший мужик был, герой, ветеран. Орден на груди, медали… Ох, лучше бы и вправду не брали его. Чует моё сердце — не доживёт он до утра. Вот никогда так не говорил, а тут… — полковник замолчал, посмотрел в сторону «Фонтанки», где всё ещё суетились эксперты.

Володя, стоявший неподалёку, невольно прислушался. В голове не укладывалось: ветеран, герой — и киллер? Месть за семью? Он вспомнил слова оперативника про «чистую работу» — выходит, это была не просто разборка, а целенаправленная расправа.

— Ну ладно, чего столпились, — резко оборвал свои размышления полковник. — Всё, давайте работать! Кого ещё не опросили? Где свидетели? И что там с кинологами, чёрт побери? Пёс Палыча до сих пор в машине сидит, рычит на всех. А нам салон ещё обыскивать надо. Живо, живо, шевелитесь!

Один из оперов кивнул, достал блокнот:

— Товарищ полковник, мы тут продавщиц опрашиваем. Две уже показания дали, третья в истерике, её медики успокаивают.

— Ладно, пусть медики ей чего-нибудь уколют, чтоб в чувство пришла, — бросил полковник. — У нас каждая минута на счету. И да, свяжись с отделом — пусть поднимут всё по Милязеву и его брату. Всё до последней бумажки. Похоже, это только верхушка айсберга…

Он повернулся, посмотрел на «Мерин» Палыча, на мигающие огни, на лужи крови, уже размываемые дождём. В глазах его читалась усталость — не физическая, а та, что приходит после многих лет службы, когда понимаешь: зло не исчезает, оно просто меняет маски.

Маркин услышал последнюю фразу и потихоньку решил смыться. Сейчас на полночи допросов-опросов, потом будут в милицию тягать, замучают. Он вроде поначалу хотел что-то рассказать, но теперь энтузиазм полностью пропал. Вовка сделал вид, что тут ни при чём, вообще случайно мимо проходил, и направился в сторону Невского, не обращая внимания на окрики.

Трупы безмолвно лежали на холодном асфальте, их тела покрывали снежинки — они падали, тут же таяли, оставляя на одежде мокрые пятна, будто слёзы неба по ушедшим. Мимо, укрываясь зонтами, спешили прохожие. Откуда они взялись — ведь только что улица была пуста? Куда смотрели ППС-ники из оцепления, почему пропустили? Люди шли, укутавшись в куртки, вжав головы в воротники, перешагивая через руки и ноги убитых. Они даже не замедляли шаг — разве что чуть шире обходили лужи бурой воды, в которых отражались мигающие синие огни.

Никто, казалось, не обращает внимания, что под их ногами лежат окровавленные тела: бывшего главного бандита города, его верного телохранителя и случайно оказавшегося рядом охранника магазина. У всех троих теперь было одно общее — прошлое. Будущего не было ни у кого. Володя смотрел на эту картину, и внутри всё сжималось от ужаса и отвращения.

«Все в этом городе очерствели от бесконечных бандитских войн, заказных убийств, — пронеслось в голове. — Это стало буднично, никто уже не удивляется…»

Кто-то из прохожих бросил короткий взгляд на тело Палыча, поморщился и поспешил дальше. Женщина в плаще переступила через руку Марата, поправила зонтик и пошла, будто шла по рынку мимо гнилых овощей. Молодой парень, проходя мимо, сделал фото — на память или для продажи? — и тут же ушёл, не меняя выражения лица.

«А может, и не люди это? — вдруг подумал Володя. — А призраки жертв знаменитого на весь Питер братка? Тени тех, кого он когда-то отправил на тот свет, вернулись за ним…»

И только стаффорд Палыча заутробно надрывался адским потусторонним лаем, остервенело защищая заднее сиденье уже никому не нужного «Мерина». Пёс не понимал, что хозяин не вернётся. Он рычал, бросался на стекло, царапал когтями обивку — будто пытался докричаться до кого-то, кто мог бы всё исправить. Его лай резал уши, разрывал тишину.

Дождь со снегом усиливался, превращаясь в плотную завесу. Мигающие огни патрульных машин то окрашивали улицу в синий, то гасли, оставляя людей в полутьме. Капли барабанили по крышам, по асфальту, по лицам — будто природа пыталась смыть следы преступления, но только размазывала их, делая ещё более зловещими.

Глава 1
Авторитет

Смерть Палыча запустила череду последующих кровавых событий, перекроивших устоявшиеся и казавшиеся спокойными устои жизни в городе трёх революций. Вся криминальная пирамида его стояла, как плоский мир на слонах в представлении древних, на понятиях и законах нескольких авторитетов, слово которых было незыблемым для всего преступного мира Питера. Ровно с этого убийства, которое перешло Рубикон, показало, что всё дозволено, бессмертных и неприкасаемых нет и перед пулей все равны, зыбкое равновесие было разрушено и включился маховик разборок, передела и преступных войн…

Ресторан «Квадрига» на Малой Садовой сверкал, как перстень на руке покойника — дорого и не к добру.

Виктор Аркадьевич Сапожников, известный в определённых кругах как Сапог, сидел в банкетном зале, отделанном тёмным орехом и бордовым бархатом. Серый костюм с шелковым отливом сидел на его массивном теле так, как сидит обшивка на броневике — плотно, с намёком на то, что внутри что-то гораздо более серьёзное, чем кажется снаружи. Золотая печатка тускло поблёскивала на мизинце. Сапог ел свиную вырезку под брусничным соусом, запивал «Бароло» из бокала.

Сапогу было сорок два. Десять из них он контролировал рынок на Сенной, таксопарк в Купчино и два автосервиса на Обводном. Он не был человеком, который стрелял первым. Он был человеком, после которого стреляли другие.

За соседним столом, спиной к стене, ужинали два охранника — Ваха и Кусок. Ваха, чечен по отцу и русский по матери, имел лицо, будто высеченное из грубого камня, и реакцию скорпиона. Кусок, бывший борец-классик, весил сто двадцать и носил пиджак на размер больше, чтобы помещался плечевой кобурный ремень. Оба ели борщ, пили только воду. Сапог терпеть не мог, когда его люди бухают при исполнении.

Дверь банкетного зала открылась, и метрдотель — жилистый господин с крашеным пробором — впустил троих. Сапог заметил их в отражении хрустальной люстры, ещё не подняв головы от тарелки. Знал, что придут. Знал, когда. На то и авторитет.

Первой вошла Тамара Сергеевна — женщина лет пятидесяти, в куцавейке из нерпы и с лицом, на котором горе уже начало превращаться в камень. За ней — молодой парень в спортивном костюме «Adidas», с бегающими глазами и ссадиной на скуле. Третьим — пожилой азербайджанец Рамиз, владелец трёх коммерческих палаток на Сенной, которого все звали просто Рамиз-ага.

Сапог доел кусок, промокнул губы салфеткой и указал на стулья напротив.

— Садитесь. По очереди. Кто первый — тот, у кого беда ближе к сердцу.

Тамара Сергеевна села первой. Не потому что хотела, а потому что ноги не держали.

— Настю, — начала она, и голос дрогнул, как струна на расстроенной гитаре. — Настю мою... Вчера вечером, у гаражей... Трое. Пацаны с Лиговского. Младшему шестнадцать. Они её...

Дальше она не говорила. Говорить было не нужно. Сапог перестал жевать. Печатка мелькнула — он постучал костяшкой по столу, и Ваха за соседним столом чуть развернул голову.

— Фамилии, — сказал Сапог. Голос был ровный, как линия на оштукатуренной стене. Без ярости. Без жалости. С жалостью потом, если надо будет.

— Фролов. Слава, из тех, что на Лиговском у гаражей шастают, кличка Худой. И ещё двое — не знаю. Она не видела лиц. Она...

— Узнаешь по голосу? — Сапог смотрел не на Тамару Сергеевну, а поверх её головы, в бордовую стену.

— Да.

— Этого хватит.

Он повернулся к Куску:

— Пусть Касым к Тамаре Сергеевне подъедет. Потом — по Лиговскому, два двора. Худого - ко мне. Остальных — как выйдет. Мать — домой. Настю — к врачу. Деньги — из кассы. Сколько нужно — столько возьмите.

Кусок кивнул. Для него задача была предельно ясна, как в компьютерной игре: цель, координаты, срок.

Тамара Сергеевна не сказала «спасибо». Она встала, поцеловала Сапогу руку — он не убрал — и вышла.

Встал парень в «Adidas». Ссадина на скуле налилась цветом спелой сливы.

— Виктор Аркадьевич, у меня «девятка» новая, вишнёвая. Со стоянки у «Юноны» угнали. Третьего дня. Сигнализация была, но...

— Чья стоянка?

— Дяди Пети.

— Это Кривой что ли "дядя Петя"? И что он?

— Говорит, не видел. Камеры у него одни — на входе. Снаружи не бьют.

Сапог бросил на стол салфетку.

— Кривой лепит. Камеры у него на три стороны. «Девятка» где-то в районе. Угонщики из своих — не уведут новую без заказа. Значит, кто-то заказал конкретно вишнёвую «девятку» и конкретно с этой стоянки. Кривой к гадалке не ходи в доле, значит должен ответить, что без разрешения дела делает, в общак не кладёт.

Он посмотрел на парня:

— Бумаги на машину есть?

— Есть. Договор, страховка...

— Иди к нотариусу Сорокину. Он все знает. Потом — к "дяде Пете" твоему, Кривому. Скажешь: Сапог просил переговорить. Если "дядя Петя" начнёт тянуть — Ваха подъедет. Машина будет у тебя к пятнице. Или деньги. Или "дядя Петя" к пятнице будет занят другими вопросами и совсем в другом месте, поближе к Ваганьковскому.

Парень кивнул и вышел. Сапог вернулся к вырезке.

Рамиз-ага сел последним. Запах от него шёл тяжёлый — дым, кофе и масло от шашлычной. Руки — большие, коричневые, в ожогах от угля. Он положил на стол руку, и Сапог увидел, что пальцы дрожат.

— Виктор Аркадьевич, три палатки. Три. Вчера ночью — все три. Бензин в двери, и всё. Товар — всё, всё сгорел. Сорок миллионов. Я и брат, мы все — всё.

Сапог смотрел на Рамиза, и в его глазах было то, что бывает в глазах хирурга перед сложной операцией: собранность, безжалостность и где-то очень глубоко — понимание.

— Кто?

— Я не знаю. Но... — Рамиз понизил голос, — люди говорят, ночью «уазик» чёрный у палаток стоял. Без номеров. Двое в масках. И кто-то из пацанов с Лиговского — Чекуша, Чекуша видел. Но боится говорить.

— Чекуша не будет бояться, — сказал Сапог. — Чекуша получит вопрос от человека, которого он уважает. А уважает он, насколько я помню, Махно. Махно ему объяснит, что молчать — это не по-пацански, когда Рамиз-ага кормит весь рынок, а менты не кормят никого, какой от них прок. Махно найдёт, кто жёг. А кто жёг — заплатит. Не деньгами, Рамиз. Денег ты не хочешь. Ты хочешь, чтобы твои палатки стояли, и чтобы больше никто не подходил.

Рамиз кивнул. Глаза блестели.

— Деньги в долг дам, — добавил Сапог. — Сколько нужно на восстановление — скажешь Куску. К пятнице пустим. Палатки поставим заново.

Сапог внимательно посмотрел в глаза собеседнику.

— Но, Рамиз, — и тут голос Сапога стал тише, что было страшнее крика, — скажи людям на рынке: я не благотворительность. Это — инвестиция. Палатки — мои отныне. Тридцать процентов. Договорились?

Рамиз-ага, не раздумывая, протянул руку. Сапог пожал. Рука Рамиза была мягкая, тёплая — рука человека, который работает руками, в отличие от руки Сапога жёсткой и холодной.

*****

В это же время, на крыше дома №14 по Малой Садовой, в девяти метрах от входа в «Квадригу», лежал человек.

Звали его Алексей Юрьевич Тимохин, кличка Гвоздь. Прозвище — не за характер, а за привычку: в Чечне, в девяносто пятом, под Шатои, он загнал гвоздь в руку пленного, чтобы тот сказал, где боевики прячут заложников. Тот молчал поначалу. Потом, когда гвоздь прошёл насквозь, всё-таки сказал и начал безумно орать и рыдать. Но Гвоздю было уже не интересно — он работал с инженерным интересом, а не с садистским. Просто нужно было — и он сделал.

Гвоздь лежал на рубероиде, прикрытый брезентом, между вентиляционным коробом и парапетом. Винтовка — СВД-С, со складным прикладом и оптическим прицелом ПСО-1 — лежала на сошках, упёртых в битый кирпич парапета. Дистанция — сто семьдесят два метра. Гвоздь измерил шагами по спутниковой карте, потом перепроверил лазерным дальномером. Сто семьдесят два. Боковой ветер — два метра в секунду, слева. Поправка — три деления по шкале боковых маховичков. Температура воздуха — плюс четыре. Пуля — 7Н1, с уменьшенным баллистическим коэффициентом. На ста семидесяти двух метрах она потеряет около тридцати метров в секунду. Падение — сантиметров пять. Гвоздь поправил прицел по вертикали — одно деление вверх. Всё было посчитано, выверено и подготовлено ещё ночью. Теперь оставалось ждать.

Гвоздь не нервничал. Он лежал с расчётом на то, что эта поза — рабочая. Ноги слегка согнуты, локти на рубероиде, приклад плотно в плечо. Дыхание — ровное, четыре счета вдох, четыре — задержка, четыре — выдох. Внутри — пустота. Как и должно быть перед выстрелом. Не пустота от страха, а пустота от опыта: человек, который делал это шесть раз, знает, что думать о результате нельзя. Думать можно только о мушке, о дыхании и о том, чтобы палец лёг на спуск плавно, как капля молока на блюдце.

Заказ поступил четыре дня назад. Человек, который передал его, не назвал имени. Просто сказал: «Есть работа. Объект — Сапог. Место — Малая Садовая, ресторан «Квадрига». Время — пятница, обед. Сумма — пятьдесят тысяч баксов. Половина — аванс». Гвоздь не спросил, кто заказчик. Это было не его дело. Но он знал. Знал, потому что в городе, где все всё знали, секреты стоили дороже денег. Заказчик — Чига, он же Борис Фёдорович Чиграков. Чига держал рынок на Васильевском и уже два года точил зубы на сапоговскую Сенную. Два раза договаривались, два раза ломали. На третий раз Чига решил — не договариваться. Теперь, когда самого Палыча вальнули, тормозов больше нет. Всё дозволено.

Гвоздь лежал и смотрел в прицел на вход в ресторан. Дверь была дубовая, с медной ручкой. Ступени — три, гранитные. Если Сапог выйдет первым — отлично. Если впереди пойдут телохранители — придётся ждать, пока он окажется в створе. Окно прицела — узкое, но достаточное. Гвоздь прикинул: рост Сапога — метр восемьдесят пять, вес — сто десять. Площадь поражения — грудная клетка, верхняя часть. Пуля 7Н1 на этой дистанции даст входное отверстие диаметром восемь миллиметров и выходное — с кулак. Если попадёт в аорту — три-пять секунд до потери сознания. Если в лёгкое — дольше, может и выжить, если хирург рядом. Гвоздь целил в центр масс. Не в голову. Голова — маленькая, она двигается. Грудь — большая, она дышит предсказуемо.

Он ждал.

*****

В ресторане Сапог расплатился. Положил пятьсот долларов в кожаную книжку, передал метрдотелю. Тот поклонился — на этот раз искренне: пятьсот долларов за обед на четверых в «Квадриге» было щедро, даже по сапоговским меркам.

— Машину, — сказал Сапог, натягивая пальто. Пальто было тёмно-синее, кашемировое, с бархатным воротником. Кусок подал ему перчатки. Ваха уже стоял у двери, сканируя улицу через стекло.

На улице серел петербургский март. Небо было цвета грязной ваты, асфальт — мокрый, с разводами бензина. Дул ветер с Невы, холодный, с запахом рыбы и бетона. У входа, в двадцати шагах, стоял «шестьсотый» Mercedes — чёрный, блестящий, с тонировкой.

— Чисто, — сказал Ваха, открывая дверь.

Сапог вышел первым. Так было заведено: Сапог не прятался за своими. Он шёл впереди, а телохранители — по бокам, чуть позади, на расстоянии вытянутой руки. Это была не гордыня, а правило: если впереди кто-то — значит, есть кого убрать первым. Таких людей в то время было немного, и каждый из них жил по этому коду, зная, что он — мишень, и не считая нужным скрывать это от мира.

Сапог сошёл со ступеней. Кусок открыл заднюю дверь Мерина. Сапог остановился на мгновение — чтобы застегнуть верхнюю пуговицу пальто, — и в это мгновение его силуэт, массивный, тёмный, встал в створе прицела, как мишень в тире.

*****

Гвоздь увидел его. Центр прицела — на левой лопатке, чуть выше сердца. Дыхание: вдох — четыре счёта. Задержка — четыре счёта. Палец начал выбирать свободный ход спуска. В свободном ходе — ничего. Потом — стена. Стена — тонкая, меньше ста граммов усилия. Гвоздь не дёрнул. Он просто продолжал давить, и в точке между третьим и четвёртым счётом задержки дыхания спуск сорвался.

Выстрел.

Звук был — короткий, сухой, как удар кулака по столу. Эхо ушло вверх, в небо, и затерялось между трубами и антеннами.

Пуля покинула ствол со скоростью восемьсот двадцать метров в секунду. Она прошла ствол за долю мгновения, пересекла дульный срез и ушла в воздух — вращаясь, стабилизированная, ровная, как нитка, натянутая между двумя точками. Ветер — два метра в секунду, слева — чуть-чуть сдвинул её вправо, на сантиметр, не больше. Она прошла сто семьдесят два метра за ноль целых две десятых секунды. За это время Сапог не успел опустить руку от пуговицы.

Пуля вошла в спину, на два сантиметра левее позвоночника, на уровне шестого грудного позвонка. Траектория — нисходящая, угол — около трёх градусов. Она прошла через тело: кожа, подкожная клетчатка, широчайшую мышцу спины, ребра — восьмого, слева, — и вошла в плевральную полость. Лёгкое — левое, верхняя доля — приняло пулю, и пуля, вращаясь, прошла через ткань, как штопор через мокрый картон. Альвеолы лопнули, кровеносные сосуды разорвались, и в плевральную полость хлынула кровь — тёмная, венозная, из повреждённых лёгочных вен. Пуля прошла насквозь, вышла через переднюю стенку грудной клетки, разорвав хрящевую часть седьмого ребра и кожу над ним. Выходное отверстие — неровное, с рваными краями, диаметром около шести сантиметров.

Сапог не упал сразу. Он сделал шаг — вперёд, к машине, — как будто споткнулся о невидимую ступеньку. Потом — второй шаг, и на втором шаге колени подломились. Он упал не как мешок, а как дерево — медленно, с внутренней тяжестью, лицом к земле, и пальто расстелилось вокруг него, как тёмное крыло.

Ваха среагировал на звук — не на падение, на звук. Он бросился к Сапогу, прикрывая его телом, одновременно выхватывая пистолет из-под куртки. Кусок упал на колени, перевернул Сапога на спину. Лицо Сапога было белым, как бумага. Глаза — открыты, но уже не здесь. Губы шевельнулись, и Кусок, наклонившись, услышал:

— Кто?

Кусок не ответил, потому что не знал. Он прижал ладонь к ране на спине, и ладонь тут же стала мокрой и тёплой. Кровь шла толчками — реже, реже. Перчатка Куска набухла алым, и капли падали на мокрый гранит ступеней, разбавлялись дождевой водой и уходили в сток, как дешёвое вино.

— Скорая! — крикнул Ваха, обращаясь к метрдотелю, который стоял в дверях, побелевший, прижав руки к груди. — Скорая, менты — звони всем!

Кусок чувствовал, как под его ладонью тело Сапога перестаёт дышать. Не сразу — рывками, как мотор, в котором кончается бензин. Один вдох. Два. Три. Четвёртый — не получился.

Ваха поднял голову и посмотрел на крышу дома №14. Там, за парапетом, мелькнула тень — брезент, сдвинутый, и больше ничего. Гвоздь уже уходил. Не бежал — уходил, спокойно, с винтовкой в чехле, как турист с рюкзаком. Он знал, что у него есть двенадцать минут до первого милицейского «уазика» и семнадцать до ОМОНа. Этого хватит с запасом.

Через три минуты на Малой Садовой завыла сирена. «Волга» с милицейскими антеннами влетела в переулок, тормозя юзом у ступеней «Квадриги». Из неё выскочил капитан Дроздов — человек Сапога в розыскном управлении, и в то же время человек Чиги. В то время в Петербурге такие совпадения были не редкостью, а системой.

Дроздов подошёл, посмотрел на тело, на Куска, на кровь на граните и сказал:

— Ну всё. Вечер перестал быть томным.

Кусок поднял на него глаза — красные, мокрые — и ответил:

— Найди его, Дроздов. Найди — и я тебе лично в ноги поклонюсь.

Дроздов не ответил. Он уже знал, что не найдёт. Не потому что не мог — потому что не должен был. Заказ был выполнен. Город менял хозяина. Сенная переходила к Чиге. Так было заведено в этом городе — в городе, где мокрый асфальт блестел, как зеркальце, и в зеркальце этом отражались люди, которые смотрели прямо в объектив и не видели, что за спиной у них — прицел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.